

СТУДЕНТКА НА НАУЧНОЙ ДИСКУССИИ. ЧТО Я УСВОИЛА И ОТМЕТИЛА

Автор: БОРИСОВА П. А.

В ноябре 2011 г. в РГГУ проходили Харчевские чтения - "Новые горизонты социологического знания". Ниже представлю своё видение проблем, обсуждаемых социологическим сообществом.

О современном обществе. С. А. Кравченко определяет современное общество как *"катастрофичное"*, характеризующееся значительной *"уязвимостью"*, склонностью к быстрым и стремительным, не равномерным и последовательным трансформациям. Новый социум не возникает *"обвално"*, в нем можно найти *"старые"* и *"новые"* места; соотношение их не всегда определённо; значит, *степень "предсказуемости" сегодня абстрактна.* "Сдвиг", изменения в социальной системе могут вести к существенным результатам. Такое положение требует *рефлексии, накопленного знания*, самой социальной реальности. Кравченко назвал это явление в жизни общества и науки *"новым эпохализмом"*, акцентируя внимание на том, что сфера применения *"истории"* к современной научной практике стала ограниченной. *"Общество стало другим"* - один из главных тезисов Кравченко, вокруг оси которого выстраивается *социологическое* видение реальности.

Эту позицию поддержали ряд исследователей. Н. Р. Маликова считает, что перспективы *"развития социологии лежат в осуществлении научного поиска, в свете постоянной неопределенности, социальной турбулентности в условиях глобализации"*. Так ли всесторонни глобализационные тенденции в современном обществе? По мнению Маликовой, современная социология достигла этапа, когда для адекватного исследовательского ответа современным реалиям она *должна трансформировать понимание "предметного поля", расширить "сконструированные ранее предметные границы"*. Какие перспективы развития научного знания видит Маликова? Во многом они созвучны с позицией Кравченко. *Современное социологическое видение "метафорично", сопровождается "глокальностью", "фрагментарностью"*, выход из сложившейся ситуации лежит в проблеме *рефлексии накопленного социологического знания* и интерпретации его в контексте институционализации социологии глобализации. Социальную реальность необходимо, по мнению Маликовой, увидеть как *"многомерную целостность"*, не *"расщепленную" полипарадигмальностью* современного научного знания.

Г. К. Уразалиева подчеркнула особенность современного общества - *возникновение сетевого сообщества.* Это побуждает исследователя заниматься концептуализацией определений *"сетевого человека"*, *"сетевых повседневных практик"*, *"сетевого сообщества"*, с целью выявления основных отличительных черт современного *"актера"*, взаимодействующего одновременно в двух системах - реальной и виртуальной. Именно от формирования целостного представления о роли в современном обществе информационных взаимодействий, определяющих интеграцию в сетевых сообществах, будет зависеть во многом вектор развития *социологического знания.* При этом, отметим, что акцент исследователя делается на *глобальное сетевое сообщество*, определить формы и границы проявления которого - перспективная задача *социологической науки*, так как ее теоретико-методологический аппарат не вполне соответствует *"новому явлению"*, равно как и математический аппарат приспособлен не в полной мере к *исследованиям* подобного рода.

Турбулентность, противоречивость общества - явление не новое. На каждом этапе развития общество проходит стадию обновления. "Изобретать" что-то принципиально нового не стоит, по мнению Д. Г. Подвойского. Новые горизонты развития социологического знания, по его мнению, следует искать во внимательном прочтении классики, как фундаментообразующей составляющей любой науки. Именно в классических теориях исследователь фиксирует значительный эвристический потенциал, при грамотном использовании которого можно найти ответы на актуальные вопросы современности. "Назад к классике" основной тезис, вокруг которого было построено выступление Д. Г. Подвойского.

Данное утверждение поддержал В. В. Щербина, увидевший основные проблемы социологической науки в отстраненности от теории или, наоборот, чрезмерном теоретизировании без опоры на прикладные исследования. Социологическое исследование должно строиться, по его мнению, из 3 этапов: 1) основательное изучение теоретической базы по проблеме исследования; 2) с учетом полученных на предыдущем этапе результатов формирование стратегии и этапов эмпирического исследования; 3) концептуализация, интерпретация полученных эмпирических результатов - вновь в рамках теоретической концепции. Сложность в том, что социологическая наука "потеряла", по мнению Щербины В. В., предмет, который определял ее идентичность и уникальность в многообразии смежных наук. Явления турбулентности возникают в исследовательских практиках по причине потери фокусировки научного взгляда на проблемах социального порядка, преемственности сменяющих друг друга комбинаций взаимодействий в социальных структурах. Объяснить социальное изменение невозможно без выявления элементов, лежащих в основе сбалансированного и устойчивого развития. Социология, по мнению В. В. Щербины, должна изучать средства регуляции в общностях, не формы социальных структур, подверженных трансформациям. Щербина, не отрицая турбулентности, говорил об уходе исследовательского внимания от проблем "адаптивных единиц" социальных структур, само развитие которых всегда связано с определенным "репертуаром" множества вариантов развития. Но при этом, отмечал он, не следует забывать: "чтобы открыть закрытую дверь - нужен ключ". Социологическую науку мало будут удовлетворять векторы, ей нужны конкретные, ясные, логические схемы - последовательные алгоритмы получения знания. "Чтобы смоделировать шаг вперед, - говорил В. В. Щербина, - всегда нужны образцы", нужен прогноз.

Теория в современном социологическом знании. Отчасти я касалась этой темы, однако для студентов эта проблема казалась не менее острой и актуальной, чем описанные выше. Действительно, теория (повторю Д. Подвойского) является основой науки. Теория должна отвечать потребностям исследования, должна быть релевантной. Что будет определять развитие теоретической мысли? На мой взгляд, очень важный вопрос. Должно ли теоретическое сознание трансформироваться в своих фундаментальных основаниях ровно настолько, насколько стремительно и качественно изменилось общество? Насколько можно судить сегодня о степени глобализованности общества, развитии "новой" сетевой реальности - без возможности качественной операционализации этих явлений? Можем ли мы выстраивать вокруг данных представлений новое теоретическое знание, основываясь лишь на локальных исследованиях, не затрагивая проблем научной категоризации рассматриваемых явлений? Чтобы "трансформировать границы предметной области" социологии, говорить о том, что "история" не работает - нужны основания. Или есть возможность, не столь радикального пересмотра теории, ее нового прочтения под влиянием современных реалий? Об этом говорил Подвойский.

Продолжала эту мысль И. Ф. Девятко, сформулировав в выступлении вызовы, на которые должна ответить теория, чтобы остаться релевантной. Перечислю их: 1) Отношения социологической науки и новой социальной мысли (проявляется в замене социального опосредованной медиа реальностью). 2) Вызов эволюционного теоретизирования. 3) Вызов когнитивной нейронауки. 4) Вызов теории рационального выбора. 5) Вызов глобальных социальных явлений, требующих интерпретации (распад СССР).

Социология, по мнению исследователя, была создана как дисциплинарный проект, она должна быть открыта, прежде всего, междисциплинарному сотрудничеству, обещающему обогащение существующих теорий новыми знаниями, расширяющими фокус исследовательского видения. Основная сложность такого взаимодействия заключается в "приложении" полученных знаний не только в теоретическом поле, но и в эмпирическом.

Г. Г. Татарова сложность положения социологической науки показала как бы в "синтезированном" виде. Проблемы социологической интерпретации "внешних" общественных изменений она ставила в прямую зависимость от проблем "внутренних" ("профессиональные болезни") сообщества социологов сегодня. Теоретическое социологическое знание характеризуется описательным характером; наличие мультипарадигмальности в социологической науке исследователь объясняет интеллектуальной модой, оборотной стороной которой выступает иллюзия формируемых представлений об изучаемой реальности, на деле создающих лишь слабую и поверхностную связь теоретической модели с инструментарием, а также понятийным анархизмом.

Проблемы категориального аппарата. Особое значение в докладах уделялось рассмотрению "новых" понятий и пересмотру "старых", принципиальных, на мой взгляд, для ориентации социологии в сфере социальных преобразований. Думаю, не случайно поднималась проблема элит и среднего класса. А. Л. Журавлев, в частности, предлагал новое эвристическое прочтение актуального для современной науки, но вполне, казалось бы, устоявшегося в своих концептуальных гранях, понятия "элиты". Основанием для такого пересмотра, автор считал необходимость включения в понятие нравственного императива, как основной и определяющей характеристики. По мнению исследователя, нравственная элита способна создать нравственный фундамент в обществе на основе интеграции нравственных ориентиров, что будет способствовать формированию стабильности, как основной функции деятельности элиты. Решение назревших в современном обществе проблем А. Л. Журавлев связывал с поиском нравственного идеала, который следует искать "в стремлении к единству духовных и культурных целей". В обществе сегодня есть запрос на действенные и эффективные нравственные регуляторы, призванные "цементировать общество". Вопрос, конечно, оговаривался исследователем, предваряют эмпирические исследования по многим основаниям. В частности, нравственные элиты нельзя "сопоставлять по восприятию с другими элитами". Элита предусматривает управление "сверху"; обратной стороной выступает гражданское общество, формируемое потенциально из среднего класса.

Тема среднего класса не менее популярна в современном научном дискурсе, чем элиты, но В. К. Левашов смог внести некоторые важные основания социологического исследования данного явления. Средний класс "очень хорошо себя оценивает с точки зрения образования, но плохо с позиции участия в политическом процессе, характеризуется низким уровнем достатка". Социальные группы, занимающие активную гражданскую позицию - главный признак среднего класса, для социологов, по мнению Левашова. Что, несомненно, отражает потребность в новом объяснении социальных явлений.

Заканчивая обзор некоторых поднятых на конференции проблем, отмечу последнюю - не менее важную и перспективную - междисциплинарность. Анализируя перспективы развития современного общества, определяя векторы и перспективы, С. А. Кравченко оговаривался: "Социология одна не вытянет". Во многом, это знаковые для всей социологической науки слова и не только слова... Это ощущение... Исследовательская интуиция, тонко "схватывающая" зарождающиеся тенденции, обещающие быть перспективными для развития науки в новом статусе. Интересно, что, несмотря на существовавшие расхождения исследовательских позиций по многим важным вопросам, ни один исследователь не прошел мимо идеи междисциплинарного сотрудничества, способного расширить горизонты социологического видения. Возможно, междисциплинарность может выступить еще и в роли одного из важнейших интегральных механизмов развития "совместно" конструированного социологического знания.

Что понравилось на Чтениях? Студент видит своего преподавателя на лекциях, на семинарах, в вузовских коридорах, аудиториях... Эта повседневность, как сказали бы сейчас, вызывает своего рода привыкание. Что принципиально нового мы увидели на конференции? Студенты увидели исследователей, сильных, знающих, думающих. Это может казаться наивным, но к любым шаблонным фразам, определениям, "титулам" можно привыкнуть, а видеть их подтверждение на практике очень дорого. Студент-социолог по-своему одинок. Он "брошен в объятия" множества проблемных курсов, читаемых не всегда согласованно и последовательно. Чтобы формировать в себе социолога, учиться мыслить и действовать социологически, нужно много работать. Но, на это не всегда хватает даже не столько сил, сколько мотивации и стимула. В череде споров и мнений о месте, роли и статусе науки и повседневной практики обыденных суждений и отношения к социологии - есть значимая разноголосица. Сформировать в себе сегодня уверенность стать социологом мало, нужен показательный пример, авторитет, делом показывающий то, чем и как должна заниматься наука. Не случайно, я начала с обыденности. Она, несомненно, присутствует везде. И конференция тому не исключение. Однако там она приобретает несколько иную форму - форму "обыденности" обсуждения проблем исследований, и уникальной творческой лаборатории для нас - студентов, включенных в процесс как бы "со стороны". Это важный и полезный опыт. В выступлениях чувствовалась не столько детальная и всесторонняя проработанность исследуемой темы, но что важнее и значительнее, особенно для студентов - внутренне сопереживание выбранной проблеме, искреннее и преданное служение своему делу. В некоторых случаях - самопожертвованное, с учетом стольких отданных годов научной и исследовательской практике. Хотя сами исследователи, думаю, вряд ли разделили бы эту мысль - для них это, несомненно, нечто большее и существенное. Я бы даже назвала сложившиеся между исследователем и наукой взаимоотношения уникальной "болезнью", где единственная спасительная среда - социология. Наблюдать и "ощущать" такое отношение преподавателей к своему "делу" для студентов важно еще и потому, что они получают возможность видеть доказательство "жизни" русской (отечественной) социологии, рефлексии знания, представления "себя", своего места, роли, значения в многополярном социологическом мире. Но и фиксировать процесс создания новых "идей", "представлений" о современном нам обществе, и кто знает, может быть, именно им выпадет роль стать инструментом решения социальных проблем, болезненных противоречий, кажущихся сегодня неразрешимыми. Трудно описать, представить словами ощущения студентов, когда лица им так хорошо знакомых преподавателей во время выступлений начинали "преображаться"; "оживала" и выстраивалась социологическая преемственность с социологической мыслью, формировался своеобразный фундамент, на котором наводились мосты в социологическое будущее. Понравилось и то, что социологическая наука сегодня не только представляет собой - целостное, самостоятельное образование, со своей историей, вполне ясными и обоснованными претензиями на важную роль в обществе, но и не менее ярко выраженной "самостоятельностью" мысли, суждений, идей исследователей.

Выше я пыталась показать существующую неоднородность представлений, порой диаметральных, но сходящихся в одной точке - определения перспектив совместного движения вперед. Наличие достаточного количества обоснованных точек зрения - очень полезная пища для размышления не только для исследователей научного круга, но и студентов, для которых это своеобразные опознавательные "маяки" потенциального движения вперед. В этом отношении любопытна форма выражения своего мнения исследователями в процессе возникающих дискуссий. Я бы отметила смелость высказываемых в поддержку своей позиции аргументов и прямолинейность задаваемых вопросов. На взгляд студента, это принципиально важно с многих сторон. Во-первых, обнажает сущность, проблемность вопроса научного характера, превалирующего над сферой личного уважения, знакомства. Во-вторых, демонстрирует умение и готовность исследователей не только слушать, но и слышать, что, во многом, определяет уровень готовности к взаимодействию при решении вопросов проблемного характера. В-третьих, акцентирует внимание на умении говорить - точно, динамично и структурировано отстаивать свое видение, позицию и т.д.

Отмечу открытую критику, звучавшую в адрес социологического сообщества и конкретных его представителей. Она затрагивала проблемы профессиональных болезней социологов; касалась наличия существующей иерархизированности вузовских "школ", не всегда соответствующих качеству высшего стандарта социологических исследований, но занимающих при этом привилегированное положение, в силу обладания более дефицитными ресурсами; не оставляла без внимания научно-исследовательскую этику. Критика носила аргументированный характер и демонстрировала глубокую "небезразличность" социологов к происходящему, озабоченность сложившейся в социологической науке ситуацией.

Что вызвало сожаление? Задавалось, но мой взгляд, недостаточно вопросов, чтобы развернулась дискуссия. Казалось бы, чем "сильнее" исследователь, тем "мощнее" он может создать вокруг себя "водоворот" идей, по волнующей его теме, тем "глубже" и основательней будет впоследствии исследование, "тоньше" интерпретация". Тема - "Новые горизонты развития социологического знания", почему же задавалось мало вопросов, хотя дискуссионность выдвигаемых положений чувствовалась? Я могу ошибаться, но в таком случае возникают вопросы другого характера. Может быть, предложенные каждым выступающим идеи - вовсе не новы, а очевидны для научного сообщества, только представлены в несколько более сжатом и обобщенном виде? Может быть, социологи уже поставлены перед необходимостью "разобраться" с еще нерешенными, но изрядно накопившимися проблемами, которые не дают потенциально почвы для реального осмысления "новых" горизонтов? И, наконец, может быть, существует своеобразная (как осознанная, так, возможно, и не осознанная) замкнутость исследователя (особенно крупного), на себе, на своей проблеме, что препятствует диалогу, строительству "интеллектуальных" мостов?

Могу ошибаться, но иногда возникало ощущение некоторой отстраненности аудитории от выступающих. Конечно, это субъективное восприятие, однако, учитывая то, что любой процесс отчасти дискретен и ситуативен, все равно странно было видеть, что во время выступлений преподаватели, читающие так называемые "проблемные" курсы, увлечены чтением газеты "Метро". Некоторые склонны были заснуть, а, проснувшись ближе к концу конференции, покинуть аудиторию. Удивительным показалось и то, что отключать мобильные телефоны или перевод их на "беззвучный" режим, оказалось делом не вполне "само собой разумеющимся". Пусть их и было немного, но сам факт заставляет задуматься, особенно в достаточно "интимном" пространстве аудитории.

Не совсем однозначным был отношение аудитории к докладам исследователей смежных с социологией дисциплин. Порой кажется, что "борьба" за свое специфическое и уникальное "лицо" социологии, как науки, сформировало бессознательную отрицательную реакцию на все "несоциологичное". Подобная "неоднозначность" способна влиять на формирование атмосферы сотрудничества, следовательно, конструктивность обмена знаниями снижается. Такое поведение (с учетом того, что очень много говорилось социологами о междисциплинарности), на мой взгляд, не в полной мере способствует закладыванию основ междисциплинарного сотрудничества. "Человеческие" отношения, а не только профессиональные, чрезвычайно важны для решения проблем, как микро, так и макроуровня, в частности, таких, как поиск новых горизонтов социологического знания.

БОРИСОВА П. А. студентка 4-го курса РГГУ